

М.М. Рогожа

УДК 378.4:174(045)

К вопросу об идентичности университета (этический аспект)

Аннотация. В статье идентичность университета рассматривается через призму духовного настроения его интеллектуалов. Ценности академической свободы и профессионального служения показываются в исторических обстоятельствах своего возникновения в средневековом университете, становления в Гумбольдтовском университете. Современный этап развития университета, связанный с миссией общественного служения, демонстрирует актуализацию этих ставших уже невременными ценностей в символическом капитале университетского интеллектуала и количественных индикаторов, фиксируемых университетскими рейтингами как инструментами измерения общественной значимости.

Ключевые слова: миссия университета, обучение, исследование, общественное служение, символический капитал, рейтинг университета.

Поставленный редактором «Ведомостей прикладной этики» вопрос о сохранении университетской идентичности в эпоху прагматичных ответов на вызовы времени предполагает поиски оснований самоидентичности, целостности университета в быстро меняющемся мире. Редактор предлагает для этого обратиться к теме миссии университета, одним из базовых элементов которой он считает «формирование и развитие среды, где рождаются новые смыслы и ценности профессиональной этики». Однако возникает вопрос, обуславливает ли миссия университета его целостность, самоидентичность – является ли она условием его возможности?

В самом широком значении «миссия» – это сверхзадача, на выполнение которой университет ориентирован по самой своей сути. Даже беглый взгляд на исторические обстоятельства становления университетской миссии свидетельствует о ее переменном характере. Так, возникшие в Европе в эпоху Высокого Средневековья университеты были четко ориентированы на обучение студентов, распространение знаний (в отличие от раннего Средневековья, когда ведущей была установка на накопление знаний посредством собирания книг). Инновационный для Нового времени Гумбольдтовский университет, соединив в своей деятельности преподавание и исследование, стал моделью для многих европейских и американских

высших учебных заведений в XIX–XX вв. Современный этап развития университета ориентирован на общественное служение.

Конкретная эпоха ставила университету свои задачи, в соответствии с которыми формулировалась его миссия. Каждая следующая эпоха, признавая роль университета в формировании ценностного пространства, уточняла его миссию, не отбрасывая предыдущую версию, но смещая акценты на ту новую сверхзадачу, которая наиболее полно отражала вызовы времени. Так, можно вспомнить, что Гумбольдтовский университет соединил преподавание и исследование тогда, когда производство нового знания стало необходимостью в условиях быстрого развития капитализма, а академии наук захватили ведущие позиции в интеллектуальном пространстве Европы. Именно тогда В. фон Гумбольдт инициировал сотрудничество научных и учебных заведений, приглашая ученых из Академии наук читать лекции и вести семинары в Берлинский университет.

Ту же тенденцию можно наблюдать и с актуализацией миссии общественного служения. Еще на рубеже 1990-х гг. ректор одного из ведущих американских университетов Я. Пеликан мог позволить себе написать: «Одним из самых главных недостатков университета, который в то же время оказывается, без сомнения, одной из наиболее притягательных его черт, является призрачная склонность погружаться в себя и игнорировать общество, в котором он живет и без которого не может существовать» [8, 228]. Буквально десятилетие спустя ситуация изменилась радикально для всей системы высшего образования в глобальном мире. Общество, о котором пишет Пеликан, – это не только работодатели, как сегодня достаточно поверхностно судят критики миссии общественного служения. Это и родители абитуриентов, и сами абитуриенты, в дальнейшем – студенты со своими родственниками и знакомыми, так же как и широкая общественность. Все они ставят вопрос о соответствии качества образования вызовам времени, что в современных условиях означает практическую ориентированность знаний, востребованность и конкурентноспособность выпускников университета на рынке труда.

Такая трансформация сверхзадач не позволяет считать некую «миссию» основой идентичности университета. Более того, углубление в проблематику дает понимание, что история университета состоит из кризисов, преодолевая которые, он выискивал возможности выжить посредством постоянных ценностных изменений в соответствии с вызовами времени. Очевидно, что нынешний статус университета как «опорного» в регионе отражает это неизбывное стремление быть востребованным эпохой, реагировать на вызовы современности. Если такой настрой на востребованность вызывает сомнение,

можно вспомнить, что не отреагировавший своевременно на требования эпохи средневековый цеховой университет в раннем Новом времени оказался вытесненным на периферию интеллектуальной жизни Европы. Столетия стагнации и поисков оптимальной модели развития завершились лишь с учреждением и оптимизацией работы Берлинского университета.

Возникает закономерный вопрос: если не миссия лежит в основе идентичности университета, то что позволяет судить о преемственности традиции в нем, его целостности и самоидентичности?

Представляется, что в основу идентичности университета заложен особый духовный настрой его интеллектуалов. Со времени возникновения в Европе университет – это не стены, а люди, члены университетских корпораций, которые и арендовали у муниципалитетов помещения для своих нужд. Уместно вспомнить случай, который приводят историки. В средневековой Болонье часть университетской корпорации вступила в конфликт с муниципальными властями и в знак протеста переехала в Падую. Речь не шла об основании нового университета. Прибывшие на новое место были уверены, что они – неотъемлемая часть корпораций Болонского университета [9, 32–33].

Университетские интеллектуалы способны вырабатывать соответствующий времени интеллектуальный продукт. Но не только. Они всегда генерировали ценности, подавали пример, достойный подражания, создавали определенный духовный настрой. В этом настрое изначально определились две установки, часто несовместимые, а иногда и полностью взаимоисключающие друг друга: свобода и служение.

Свобода конкретизировалась в зафиксированной в средневековых университетских статутах автономии. Она выражалась, в первую очередь, в независимости университетского интеллектуала от власти имущих. Ж. Ле Гофф отмечал: «Мэтры были склонны жить на деньги, которые платили им ученики. Принимая такое решение, они обладали преимуществом оставаться свободными по отношению к светской власти: к коммуне, князю, церкви и даже меценату» [3, 89]. Свобода – это прежде всего материальная независимость. Мэтры были городскими жителями, считали себя ремесленниками, торгуя продуктами своего труда и взимая за это плату.

Столетия спустя в Гумбольдтовском университете возведенная в принцип академическая свобода означала свободу профессоров преподавать то, что они считают нужным, а студентов – выбирать преподавателей, лекции которых они желают слушать. Такая свобода была достаточно связана с материальной (не)зависимостью. Вве-

денная должность приват-доцента активировала средневековую традицию в новых исторических обстоятельствах. Сдавший экзамен на право чтения лекций претендент редко сразу получал постоянную должность в университете, но мог предлагать и вести учебные курсы, если находились студенты, готовые это оплачивать. Самым популярным приват-доцентам в дальнейшем предлагали постоянную работу при освобождении должности профессора. В ряде университетов, особенно американских, подобная система существует и сегодня. Конечно, она представляет собой постоянный источник стресса для приват-доцента, поскольку он все время должен работать над новыми, актуальными курсами, способными привлечь студентов, но воистину является воплощением академической свободы и материальной независимости университетского интеллектуала.

Установка на свободу в университете всегда сосуществовала с противоположной тенденцией – попытками ее ограничения, даже под самыми благовидными предлогами. В Средневековье церковь настаивала на бесплатном обучении, которое считалось составной частью религиозного служения преподавателя-клирика. Выступая за доступность образования для широких слоев населения, папская курия бралась обеспечить материальное благосостояние университетских интеллектуалов посредством раздачи им церковных должностей. Процесс этот был медленным, но достаточно успешным. Постепенно преподавательские должности в университете могли занимать только те, кто был материально зависим от церкви. Пребывая на обеспечении церкви, интеллектуал вынужден был соотносить свою преподавательскую деятельность с ее рекомендациями. Таким образом, церковь получала контроль над идеями в обществе, курируя содержание курсов и способ их подачи. Это объективно вело к уменьшению академической свободы и исчезновению университетской автономии. Еще одно следствие вмешательства церкви в университетскую жизнь фиксирует В. А. Куренной: «Гарантированный положением доход... приводит к исчезновению конкуренции преподавателей за внимание студентов. В результате начинает работать “негативный отбор”, и всякая живая мысль постепенно улечивается из стен университета» [5]. Эти тенденции и привели к формированию цехового университета, должности в котором передавались по наследству, а живая мысль была полностью вытеснена начетничеством. Историки свидетельствуют, что ни один ученый раннего Нового времени не был связан с застрявшим в Средневековье цеховым университетом.

Однако патронат церкви не был таким однозначно негативным, особенно в первое время после его утверждения. Именно в тот мо-

мент, когда университетский интеллектуал попал под влияние церкви, возникла и получила широкое распространение установка на служение. Г. С. Батыгин отмечал, что в Средневековье людей, чья деятельность прямо связана с университетом, называли профессионалами. «Первоначальный смысл слова “профессия” заключается в открытом заявлении о принятии монашеского обета. Профессия начинается, таким образом, с ритуала, сценарий которого напоминает уход от мира в жизнь бесконечную... Профессионалы ... не работают, а служат: они отдали себя делу и ничего не просят взамен» [1, 6]. Оказавшиеся в церковной структуре университетские интеллектуалы принимали духовный и интеллектуальный обет, в их системе приоритетов доминирующими становились неутилитарные ценности подвижничества и высокого служения.

Академическая свобода и профессиональное служение составляют вневременное ценностное ядро профессионального настроения университетского интеллектуала таким образом, что малейшее уменьшение их удельного веса в системе ценностных координат обуславливает алармистские настроения как в среде университетских интеллектуалов (академической среде), так и в тех кругах, объектом внимания которых она является. Так, столетие спустя после Гумбольдтовской реформы М. Вебер упрекал университетских интеллектуалов в поспешии этих установок и их переориентации на карьерные цели, сетовал на вымывание из университета духа высокого служения преподавательской профессии как призвания [Цит. по: 10, 5].

Сохраняя такой ценностный настрой до сего дня, академическая среда стремится к его воспроизводству посредством сложной системы посвящения в профессию после долгих лет учебы. Т. Парсонс, Н. Сторер определили этические составляющие этой системы: ответственность за хранение, передачу и использование знаний, автономия в привлечении новых членов, контроль за их профессиональным поведением, охрана от непрофессионального вмешательства и признания в дилетантской среде, контроль над вознаграждением за профессиональную деятельность [Цит. по: 1, 8]. Такого же рода ценностную направленность фиксировал и Р. Мертон, определяя составляющие научного этоса: универсализм, коммунизм, коллективизм, организованный скептицизм, незаинтересованность [6, 767–781]. Особенно интересен Мертоновский принцип незаинтересованности. Он фиксирует первичность научной любознательности и бескорыстного поиска истины. Последователь Мертона Б. Барбер отмечал, что этот принцип направлен против ученых, использующих науку как способ достижения финансового успеха или завоевания престижа вне научного сообщества [Цит. по: 7].

Обращение к социологическим исследованиям науки оправдано в той мере, в какой современный университет соединяет миссии обучения и исследования. Обозначенные социологами ценности научной/академической среды дают возможность проследить преемственность этических установок университетских интеллектуалов. Здесь очевидны ставшие традиционными установки на интеллектуальное подвижничество, преданность делу преподавания и развития научного знания, ориентированность на бескорыстное служение истине, соответствие высоким моральным стандартам.

О том, как сегодня ценностные установки университетского интеллектуала соотносятся с системой координат академической среды в целом и университета как социального института, в частности, дал четкое представление П. Бурдьё. Ведя речь о символическом капитале, т.е. благах и ценностях, формирующихся в академической среде, он показал его значение в поле науки, где акторами выступают интеллектуалы, учебные и научные учреждения, а также научные издания. Символический капитал ученого определяется образованием, зафиксированным в престижном дипломе (чем престижнее университет, выдавший диплом, тем успешнее будет карьера его владельца). Соответственно, символический капитал университета является тем больше, чем большее количество успешных выпускников он дал. Сюда следует добавить, что ученые публикуются в престижных периодических изданиях, символический капитал которых зависит от количества успешных ученых среди его авторов. Такая взаимообусловленность работает на увеличение символического капитала основных игроков поля науки и удостоверяется признанием со стороны коллег [2].

Можно отметить, что особый духовный настрой университетских интеллектуалов на ставшие вневременными ценности академической свободы и профессионального служения наделяет университет способностью адекватно отвечать на вызовы времени, ориентирует на решение сверхзадач и таким образом позволяет судить о его целостности и самоидентичности, т.е. идентичности в пространстве западной культуры.

В современных условиях доминирования миссии общественного служения эти ценностные установки приобретают специфический колорит. Так, с актуализацией миссии общественного служения начали набирать популярность рейтинги университетов как инструменты их сравнения прежде всего по социально значимым параметрам. Ориентированные на целевую аудиторию (абитуриентов, работодателей, руководителей и сотрудников университетов, политиков), рейтинги отражают взаимодействие университета с рынком

труда, его связь с производством, фиксируют практический поворот в обучении студентов, уровень безработных среди выпускников, связь бакалаврских и магистерских программ с региональными компаниями и организациями, финансирование университетских проектов региональными организациями, студенческие практики в региональных компаниях и организациях, возможности студентов региона учиться на бакалаврских и магистерских программах университета [4, 244–250]. Поэтому логично, что статус «опорного» в регионе для университета – это ответ на требования современности.

Примечательно, что среди индикаторов процитированного рейтинга U-Multirank, инициированного несколько лет назад Комиссией ЕС, есть и такие, которые оценивают университет сугубо по результатам деятельности научно-педагогических кадров (количеству их научных степеней и ученых званий, исследовательских публикаций, индексам цитирования и финансовым поступлениям в университет от исследовательской деятельности [4, 246]). Фактически, эти показатели фиксируют количественные параметры актуального символического капитала университета и его интеллектуалов. А качественный срез, ценностный настрой рейтинги схватить не могут. Но символический капитал сегодня возможен, по П. Бурдье, благодаря наличию консенсуса университетских интеллектуалов о цели их научной деятельности, коллективной веры в ценностные основы, институциональных механизмов социального и образовательного отбора претендентов на должности, соответствующей подготовки отобранных кадров, контроля над доступом к исследовательским ресурсам и публикациям [2].

Сегодня университет – это такая система организации деятельности интеллектуалов, которая воспроизводит в современных условиях традиционные для них ценностные установки, определяющие университет в качестве интеллектуального и духовного ресурса в западной культуре, а также дает аксиологические основания для его дальнейшей деятельности в соответствии с вызовами времени.

Список литературы

1. *Батыгин Г. С.* Профессионалы в расколдованном мире // *Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР.* 1994. Вып. 3. С. 6–11.
2. *Бурдье П.* Поле науки // *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 473–517.

3. *Гофф Ж.Ле.* Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд-во СПбУ, 2003.
4. *Курбатов С.В.* Феномен университета в контексті часових та просторов их викликів: монографія. Суми: Університетська книга, 2014.
5. *Куренной В.* Правила Гумбольдта // Политический журнал. 2005. № 34 (85). С. 54–55.
6. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
7. *Мирская Е.З.* Роберт Мертон и его концепция социологии науки // Современная западная социология науки / Под ред. В.Ж. Келле, Е. З. Мирской. М.: Наука. С. 42–60.
8. *Пелікан Я.* Ідея Університету. К.: Дух і літера, 2009.
9. *Поляков Н.В., Савчук В.С.* Классический университет: от идей античности к идеям Болонского процесса. Днепропетровск, Изд-во: ДНУ, 2007.
10. *Шнедельбах Г.* Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–14.